

Δ-72

АНТОЛОГИЯ
БЕЛОРУССКОЙ
ПОЭЗИИ

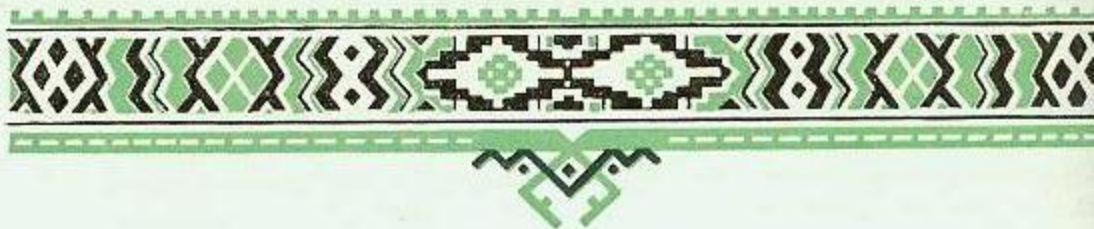

4699-52

МОСКВА

1 · 9 · 5 · 2

Государственное Издательство
Художественной Литературы

МАКСИМ БОГДАНОВИЧ

Мои песни

1

Если горе ляжет на душу мою,
Станет жалко дней потерянных своих, —
Я тихонько песни грустные пою,
Всю печаль свою я вкладываю в них.
Тихо песня разливается, звенит,
Говорит мне, как я молодость сгубил,
И как до сих пор не смог я полюбить,
И совсем почти, как надо, я не жил.

2

А как милую я вспомню сторону,
Да как вспомню ее бедность и нужду,
Дрогнет сердце, — и опять я петь начну,
Хоть немного свою душу отведу.
Грозно песня разливается, гремит,
Долю горькую мужицкую клянет:
Ведь невидимая цепь на ней висит,
В стороне родимой давит тяжкий гнет.

1908

На чужбине

Вокруг меня пышно цветы расцветают.
Печально среди них я хожу одинок.
И вижу: мне синей головкой кивает
Родной наш, забытый в тени василек.

«Здорово, земляк! — чуть заметный в долине,
Понурий, невесело шепчет он мне, —
Вспомняем с тобой на богатой чужбине
О бедной, далекой своей стороне».

1908

Из песен белорусского мужика

1

Век тружусь я, пока не порвется
Жизнь моя, как истлевшая нить;
Если б знал я, что столько прольется
Крови, пота, — не стал бы и жить.

Лился пот, когда резал я плугом
Ржавой почвы сухие пласты;
Сотни верст исходил по яругам,
Строя гати, дороги, мосты.

В топях, в чащах пришлось мне трудиться,
Не сказать, сколько вытерпел мук.
И в гробу не придется стыдиться
Мне своих искалеченных рук.

А уж смерть за спиной: пот и слезы
Надорвали иссохшую грудь.
Горе гнет, как метелица лозы,
Не дает мне ни встать, ни дохнуть.

Счастье ж глянет и вдаль унесется,
Знать, вовек мне его не словить.
Так пускай же, пускай оборвется
Жизнь моя, как истлевшая нить.

2

Я хлеба у сытых просил и молил,
Они же мне камни давали,
И вот эти камни меж ними и мной
Стеною великою встали.

Она, что ни день, все растет и растет,
И многих страшит высотойю.
Что ж будет, как дрогнет, как рухнет она?
Кого погребет под собою?

1909

* * *

В поле дождь леденящий и мгла...
В дальних хатах мигают огни.
Там у каждой двери залегла
Доля горькая в черной тени.

И под мокрыми крыльями ночи
От людей она спрятала очи.

Только ветер осенний, сырой
Бродит в поле и скорбно поет
О родимой сторонке глухой
Да о проклятой доле ее.

Давит сердце мне песня ночная...
Пусть же стонет она не смолкая!

Пусть летит по просторам земли,
Чтоб проснулся в сердцах наших стыд
Чтоб сражаться с неправдою шли
Те, в ком совесть людская не спит.

Злая полночь не скроет той доли,
Если встанем мы с песнею воли!

1910

* * *

В тот миг, когда Геракл поверг во прах Антея, —
Под ветром колос так склоняется в пыли, —
Антею силу в грудь вдохнула мать Гея.
И вот, могуч, как дуб, он стал еще сильнее
И вдруг напрягся весь и поднялся с земли.

Я сломан жизнью был, я ожидал могилы,
И сердцем я припал к тебе, земля моя,
И бодрость ты влила в слабеющие жилы,
И дремлющей души ты пробудила силы, —
И горя с той поры совсем не знаю я.

1910

* * *

Холодной ночью я на полевом просторе
Лег у костра, забылся в полусне.
Огонь слабел, слабел... Совсем погас он вскоре...
И весело вдруг стало как-то мне!

Пусть, серый пепел, ты весь тот костер собою
В недолгий срок, как ризою, покрыл, —
Я знаю, что огонь дрожит и под золою,
Я знаю, красный жар под нею не остыл.

Пусть череда годин унылых, грустных, серых,
Как пепел, на душу ложится много раз,
Скрывая под собой огонь горячей веры.
Пусть не видать его... А все ж он не погас!

1910

* * *

Теплый вечер, тихий ветер, свежий стог,
Уложили спать меня вы на траве.
Не курится пыль сквозная вдоль дорог,
В небе месяца зажегся бледный рог,
Расцветают звезды в синеве.

Метеор скатился огненной слезой,
Прошумела мягко крыльями сова;
Вижу, слившись с миром жадною душой,
Как дрожат от ветра звезды надо мной,
Слышу даже, как растет трава.

1910

Сонет

Среди песков египетской земли,
Над водами синеего Нила,
Уж сколько тысяч лет стоит могила:
Там горсточку семян в горшке нашли.

Хоть зерна высохли, но все же проросли,
Их пламенная жизненная сила
Проснулась вновь, пшеницу всколосила,
И урожай те зерна принесли.

Вот символ твой, отчизна дорогая!
Взметнувшийся от края и до края
Народный дух бесплодно не заснет,
Он к свету ринется, как та криница,
Которая стремится все вперед,
Чтоб из-под почвы на простор пробиться.

1911

* * *

Доброй ночи, заря-заряница!
Тихий сумрак на землю ложится,
Черным пологом все покрывает,
Серебром небеса засекает.
Тишина мне окутала душу.

Ветерок придорожную грушу
Еле слышно колышет-качает.
Где-то звон бубенцов замирает,
Где-то булькает-льется криница.
Доброй ночи, заря-заряница!

1911

Метель

Как в бубны, в кровли ветер бьет,
Гремит по ним, звенит, поет.
И песня льется все мощней, —
То пир справляет пан Подвей.
Как в бубны, в кровли ветер бьет,
Гремит по ним, звенит, поет.
Играет снежное вино,

Вскипает пеною оно.
Как в бубны, в кровли ветер бьет,
Гремит по ним, звенит, поет.
Вдоль улиц веет дикий хмель,
Пьяным-пьяна гудит метель.
Как в бубны, в кровли ветер бьет,
Гремит по ним, звенит, поет.

1911

Пан и мужик

Слава пану — от него узнал и я:
Не на трех китах качается земля.
Пан не брешет — уж давно сдается мне,
Что стоит земля на нашей на спине.

1912

В деревне

*Lumen coelum, sancta rosa!*¹
Пушкин.

Девичий облик нас пленяет и волнует,
Нас матери душа возвышенно чарует.
Величье красоты в их слитности живой, —
Художники пред ней склоняют гений свой,
Чтоб воплотить в творениях прекрасных
Прообраз матери в чертах девичьих ясных.

¹ Свет небес, святая роза! (лат.)

Ты стала, дева-мать, как символ красоты,
И вот уж с полотна глядят твои черты.
Я с тайным трепетом души на них взираю,
И сердцем я стремлюсь к отеческому краю,
Минувшее свое припоминаю я!
Меж темных образов проходит жизнь моя,
Я что-то в ней ищу тревожную душою.
И давний день один встает передо мною.

Однажды летнею рабочею порой
Я шел деревнею. Понурой чередой
Вдоль улицы, кривой и неширокой, хаты
Стояли серые, сутулясь; как заплаты,
Виднелись на стенах слепые окна их
И почерневшая солома крыш гнилых.
Все разрушалось здесь, старело, умирало,
И мало что вокруг хоть как-то украшало
Ту ветхость бедную; и только мак цветки,
Такие яркие, как будто мотыльки,
Рассыпал по грядам и тешил ими душу,
Да, может, кое-где еще увидишь грушу
Кривую, старую. Вот только и всего.
А из людей кругом не видно никого, —
Все на поле они; не пробежит порою
Молодка с ведрами на речку за водою,
И в шапке войлочной не встретишь мужика;
И не услышишь ржанья жеребенка,
И песня грустная не разольется звонко...
Что ж странного, когда, услышав крик ребенка,
Внезапно вздрогнул я и оглянулся. Ах!
Я мальчика испугнул; на слабеньких руках
И на ногах он полз по травке у дороги;
Он к няньке — лет восьми — в младенческой тревоге
Спешил, дополз, и вот в подол он тут же к ней,
Как будто жалуясь, уткнулся поскорей.
И, как склоняется от ветра верх березки,
Так девочка к нему нагнулась, чтобы слезки
Подолом вытереть и словом приласкать,
Чтоб успокоить плач, — совсем, совсем как мать.
И в символ для меня слились живой, единый
С чертами матери — девичий образ дивный,

Тот образ девочки, и в этот миг она
Была, казалось мне, вся до краев полна
Такой широкою, родимой красотой,
Что, помнится, на миг я просветлел душою.
Не красота была, быть может, в бедной той
Смиренной девочке, и хилой, и худой,
А что-то высшее, что Рафаэль великий
Стремился воплотить в бессмертном женском лице.

Страницу лучшую хранит мне жизнь моя!
Вновь с тихой радостью ее читаю я.
Пусть многое с тех пор потоком время смыло
Из памяти моей, и светлый облик милый
Той девочки исчез в туманной глубине, —
Я верю: в трудный час вернется он ко мне.

1909—1912

Слуцкіе ткачыхі

Навек им бросить приказали
Поля родные и леса:
На панский двор в неволю взяли —
Ткать золотые пояса.

Девичьей радости не зная,
Забыв про солнечные дни,
В неволе тяжкой увядая,
На лад персидский ткнут они.

А за стеной смеется поле,
Сияет неба вышина.

И мчатся думы на раздолье —
Туда, где солнце и весна,

Туда, где зеленеют всходы,
Где зацветают васильки,
Где серебром сверкают воды
Меж гор пробившейся реки,

Где виден край седого бора...
И вот, забывшись, ткет рука
Взамен персидского узора
Узор родного василька.

1912

* * *

Оглянись — и мир вседневный
Многоцветен и чудесен.

А. Фет

Привет тебе, житье на воле!
Над головой — дубов шатер,
Сквозь листья видно небо, поле
И выси гор.

А к ночи веер свой червонный
На небе развернет заря,
Помчится ветер пробужденный
Вдаль, за моря.

Теней лохмотья на поляне
Не спрячут золота лучей,
Что тут и там горит слоями
Все горячей.

Когда ж померкнет яркий полог
И потемнеет ясность вод, —
Заблещет серебром иголок
Звезд хоровод.

И милой станет вся природа,
Равно — и яркий блеск и тень,
Тот день, что ждет еще у входа,
И прошлый день.

1912

* * *

Не кукуй в родном бору, кукушка,
Под разливами зари.
Может, скажешь ты, что жить мне долго, —
Только — нет, не говори.

Не про то мне шепчет мое сердце
И моя больная грудь;
Видно, скоро, скоро соберусь я
В дальний и последний путь.

Знаю, что недолго проживу я,
Что без времени умру...
Прокукуй же над моей могилой,
Как весной в родном бору.

1912

* * *

Тихий вечер; жар дневной спадает,
Веселее речка пробегает,
В пруд вливаясь где-то в тростнике;
Дремлет пруд в причудливом венке
Верб зеленых, свежих и корявых;
Тина в берегах отлогих, ржавых
Самотканым поясом легла;
Лилиями заводь зацвела.
Пронесется ласточка стрелой
Над зеленой сонною водою,
Крылышком черкнув по ней слегка
И вспугнув в осоке мотылька.
То ли окунь, то ли язь плеснется,
И вода кругами разойдется.
Выползает серый уж порой
На плотине полежать сырой,

Там, где набок мельница скривилась,
Вся истлела, — как не развалилась? —
Почернело колесо давно,
Мхом мохнатым обросло оно.
Но сегодня снова заскрипело, —
Девушка сюда пришла за делом,
Чтоб любовь-присуху с сердца сбить, —
Стыд девичий под платком не скрыть.
Опустила смуглую головку,
И сердечко — слышно сквозь шнуровку —

Часто бьется. Мельник, дед седой,
Трижды сбрызнул ей лицо водой
И, оставивши на волны очи,
Приглушенным голосом бормочет:
«Поклонюся я тебе, царица,
Чистая студеная водица.
Ты течешь болотами и мхами,
Желтыми, сыпучими песками,
Берега крутые подрываешь,
Камни и деревья подмываешь
И несешь их к морю-океану
К проклятому острову Буяну.
Там и ветер буйный не гуляет,
Солнце красное не светит, не сияет,
Там не блещет ясная зарница.
И уносишь ты туда, водица,

Грусть-тоску из сердца Катерины.
Вот вокруг я обвожу три тына,
На замок их крепко замыкаю,
Ключ я в море-океан кидаю,
Как ключу со дна уж не подняться, —
Так тому и быть, не миноваться...»
И подносит мельнику девчина
Яйца и беленую холстину.

1912

Край мой родимый...

Край мой родимый! Как проклятый богом,
Сколько ты вынес недоли!
Тучи, болота... Над нивой убогой
Ветер гуляет на воле.

Клены, березки да темные хаты
С тощими нивами рядом.
Люди, как нищие, ходят в заплатах,
Ясному солнцу не рады.

Сделали много их сильные руки,
Вынесли многое спины.
Сколько заставили вытерпеть муки
Пущи, овраги, низины!

Глянь, пригляди к забитому люду,
Сердце от боли заплачет:

Горькое, тяжкое горе повсюду, —
Всюду одна неудача.

В песне поется, как вдовьего сына —
Янку — судьба загубила;
Там, где над речкой склонилась калина,
Янку вдова схоронила.

В песнях и в сказках — все та же невзгода,
Радости сердце не чувствует.
Стиснуто горем дыханье народа,
Горе повсюду панует.

Словно широкое, бурное море,
Край наш оно затопило...
Братья! Развеем ли тяжкое горе!
Братья! Достанет ли силы?

1912

Переписчик

На кожаном листе пред узеньким окном
Строй ровных, четких букв выводит он пером
И красную строку меж черными рядами
Вставляет изредка; заморскими зверями,
Людьми и птицами, венками из цветов
И многокрасочным сплетеньем завитков
Он украшает сплошь — довольно есть сноровки —
Свои пригожие заставки, и концовки,
И заголовки все, — ведь некуда спешить!
Порой привстанет он, чтоб лучше заострить
Перо гусиное, и глянет: кротко солнце
Столбом прозрачным шлет свой свет через оконце,

И золотая пыль струится меж лучей;
Вдали над белыми громадами церквей
Блистают купола; проворно над крестами,
Как жар горящими, проносятся кругами
Стрижи веселые; а тут, вблизи окна,
Малиновка поет и стучает желна.
И вновь он склонится, заставку вновь выводит
Неярким серебром; неслышно день проходит,
Настанет скоро ночь, и первая звезда
Благословит конец усердного труда.

1912

Озеро

В чаше темной и глубокой
Плещет, пенится вино;
Хмелем светлым и холодным
Чуть колышется оно.

И качается осока,
И шумит высокий бор,
А в душе не замолкает
Струн веселый перебор.

1912

* * *

В тот дом вошел я молчаливо,
Где годы ранние прошли.
Там стены мохом поросли,
А стекла — в радужных отливах.
Повсюду пыль. И стало мне
Так грустно, грустно в тишине.
Я в сад пошел. Все глухо, дико,
Все заросло густой травой,
И нет следа весны былой,

И только надпись: «Вероника»
Видна на липовой коре —
Чудесный знак о той поре.
Расти же, дерево, все выше,
Как монумент живой вставай
И к небу надпись поднимай.
Пусть будет так, пока мы дышим:
Чем больше вдаль уходит дней,
Тем выше имя и милей.

1913

Исполненное обещание

Через залитый ярким светом бор
Проходит насыпь желтая чугулки.
Как ровно рельсы, словно на рисунке,
Уходят вдаль! Как ярко семафор
Стеклом зеленым отражает солнце!
Как телеграфные столбы гудят!
Смотри: дрозды на проводе сидят,
А провод весь горит огнем червонца!
И вот, раздвинув листья, словно сеть,
Круша мохнатой лапою сушины,
Не торопясь, из-за кустов малины
Выходит бурый молодой медведь.

Он воздух нюхает, поляну озирает
Ленивыми глазами, будто спит,
И вдаль, услышав смутный гул, глядит
И вдруг от удивленья замирает...
Чуть слышно рельсы тонкие дрожат;
С веселым шумом через бор зеленый
Несутся за вагонами вагоны:
Шипит машина, искры вверх летят,
И дым, белея, тянется струею;
Под солнцем ярко блещет сталь и медь;
Смеются в окнах люди... А медведь
Стоит и слышит крик мой: «Стих за мною!»

1913

Дед

Сегодня было так тепло,
Что дед — и тот спустился с печи,
Сел там, где горячей пекло,
И грел в тулупе старом плечи.

Виднелся бор, синела даль,
Вкруг пахло медом и травой...
А деду даже и не жаль,
Что скоро станет он землею.

1913

Межи

Простор бескрайный огляни кругом:
Вон обступили каждый дом
Заборы с острыми гвоздями,
Они усыпаны стеклом.
Смотри: в просторах, за селом,
Межами
Поделены колосья на полях,
Канавы вырыты в лесах,
И стопудовые у всех границ камня
Среди лугов бескрайных залегли.
Штыков ряды по всем краям земли
Горят и смотрят в диком рвенье
На государственный рубеж.
И видишь: сколько всюду меж!

Безмерны вольные просторы
Святой земли, — а человек
Заборы строил, рвы копал за веком век,
Он, как лисица, зарывался в норы,
И жил запуганный — один,
Дрожащий, как листва осин,
Неверный, бессердечный, жадный.

Всегда злорадный,
Для всех чужой, совсем чужой,
За изгородью, за межой.
А что за этими межами!
Гниет в труде безмерном тут
Голодный, обнищавший люд,
Который сильными руками
Богатства создал всей земли:
На пашнях борозды легли,
Стальные рельсы побежали,
Заводов трубы поднял он до звезд,
А сам давно ослеп от слез,
И руки отдыха не знали.
Смотри: по всей земле святой
Волной широкой золотой
Без края блещет урожай море,
Цветут луга, шумят леса...
Вокруг везде богатство и краса,
А люди гибнут в голоде и горе,
Во тьме, от холода дрожа, —
И всюду — ров, забор, межа.
1914

Эмигрантская песня

Есть на свете такие бродяги,
Что не верят ни в бога, ни в чорта.
Их волнуют лишь пестрые флаги
Кораблей океанского порта.

Никого им не жалко покинуть,
Ни родни, ни отчизны не знают.
Все равно ведь — что жить им, что сгинуть, —
Одного они только желают:

Побывать бы в краях незнакомых
Да хлебнуть там и счастья, и горя
И пропасть средь бурунов соленых
Белопенного синего моря.

Ну, а мы — не того мы желаем:
Если б хлеба на всех здесь хватало,

Не расстались бы век с нашим краем,
Дальних стран бы душа не искала.

И на улицах в холод и в темень,
Средь толпы, где для всех мы чужие,
Нам мерещатся: хаты, и Неман,
И Либавы огни портовые.

1914

* * *

Темной ночью лучина догорала,
Я сорочку Артему вышивала;
Посередке — солнышко,
А вокруг него — звезды малые.
Только входит тут в хату сестричка,
Белый-чистый лист у нее в руках,
Бело личико все в слезах.
«Ой, убили Артема, убили,
В стороне незнакомой зарыли,

Ой, убили Артема шрапнелью,
Занесло его могилу метелью...»
Как услышала я — ослабела,
Все в очах у меня потемнело,
Звезды малые замутились,
Солнце ясное закатилось...
Для чего же на свет я родилася?

1915

* * *

Ой, греми, греми, труба, утром рано
В поход собираться;
Собирались товарищи Яна,
А ему не подняться.
Собирались товарищи Яна,
Глубоко яму роют.
В яме той при дороге
Хлопца похоронят.
Ой, не плачьте, дети,

Не рви сердце, жонка,
Не рви, не томися,
И за Янку, за беднягу,
Богу помолися.
Он нашел другую жонку —
Чужую сторонку,
В чистом поле повенчался,
Пулей обручался.

1915

Максим и Магдалена

Гей, пойду я по улице
Да в то поле за околицу.
У околицы плетень и огород —
Вьется хмель там, завивается.
Ой, зачем твои кудри зеленые
Градом-дождиком не выбило?
Загубил ты, хмель-хмелинушка,
Лиходей кудрявый, ласковый,
Загубил ты буйну голову,
Буйну голову максимову.

Максим у шинкарки гуляет,
Он гуляет — крест пропивает
Да товарищей своих зазывает:
«Пиво-мед в ковши наливай,
Чтоб лилось через край, через край,
Песню громкую пой-заводи
Да цимбалами позванивай!»
Гей, как грянули друзья гопака,
Заходили даже стены кабака.
Струны звонко говорят из-под руки,
Частой дробью отвечают каблуки, —
Их подковки стальные звенят...
У порога люди добрые стоят,
Подпевают, приговаривают
Да Максима все похваляют.
Он сидит — не по малу пьет,
Под цимбалы он в ладони бьет.
Захмелела у Максима голова,
Говорит он такие слова:
«Магда, Магдочка,
Мой цветочек, моя ласточка!
Не любиться мне, хлоп, с тобою —
С воеводскою дочкой-красою.
Нынче с войтом¹ тебя обручают,
Рушники вынимают,
Русу косу твою пропивают.

¹ Войт — староста.

◆◀◊▶◆

То не травка-повилика расплетается —
Наша верная любовь с тобой кончается.
Уж не будешь гулять, как бывало,
Целовать, как всегда целовала,
В темный сад выходить о полночи
И глядеть ненаглядному в очи.
Твое личико — снега белей,
Бровки — доли сиротской черней.
Никогда уж тебя не увижу,
Никогда уж тебя не услышу.
Лейся, брага, теки, как река,
Ой, упала на сердце тоска!»
Во хмелю Максим болтает — заплетает жарко,
Да услышала те речи старая шинкарка
И к хоромам воеводским быстро побежала,
Воеводе при народе все пересказала.
Гей, как грянет воевода о крыльцо ногою:
«Ты заплатишь мне, собака, буйной головою!»
Слуги следом за шинкаркой быстро побежали,
Кандалами хлопну ноги резвые сковали.
Повели его к площади торговой —
На помост высокий, сосновый.
Люди добрые вокруг стоят;
Он идет — не идет, спотыкается,
Белы рученьки по бокам висят,
Ноги резвые подгибаются.
Да не плачется людям на долю Максим,
Только молвит он о цимбалах им.
Захотелось ему на прощаньице
В этот смертный час
Уж в последний раз
Услыхать их рокот-играньице.
В миг единый цимбалы достали,
На помост на высокий их клали.
Гей, потрянул Максим кудрями — хватит плакать, будет!..
Песню горькую с помоста услышали люди:
«То не ветер ночной повеваает,
Тихо в горницу сон заступает,
Очи крыльями мне застилает.
То не пташка в гнезде ворохнулася,
Мое сердце встрепенулося.

◀◀ ❖ ❖ ❖ ❖ ▶▶

Снилось мне — я межою иду,
Сбоку нива колыхается,
Сбоку нива колыхается,
Крупной светлой росой осыпается.
Ох, исполнился тот недобрый сон,
Нынче сбылся он, через девять ден.
Сбылся сон, моя отрада-краса,
Слезы катятся, что крупная роса...»
Тихо все — только струны звенят,
Только песня разливается,
Люди добрые молча стоят,
С горя сердце разрывается.
Ой, зачем ты с ней, Максим, повстречался,
С воеводскою дочкой миловался!
Вновь потрянул Максим кудрями — хватит плакать, будет!
И опять с помоста песню услышали люди:
«Магда, Магдочка,
Моя зоренька ясная,
Мое солнышко прекрасное!
Ой, от солнышка
На земле цветы расцветают,
От него же они и высыхают.
А ты в небе светишь-пылаешь
И про то не знаешь...»
Тихо все, только струны звенят,
Только песня разливается.
Люди добрые молча стоят,
С горя сердце разрывается.
Ой, зачем ты с ней, Максим, повстречался,
С воеводскою дочкой миловался!
Вновь потрянул Максим кудрями — хватит плакать, будет!
И опять с помоста песню услышали люди:
«Мои деточки, мои малые,
Вы наплачетесь, нарыдаетесь.
Без отца остаетесь, воробушки!
Кто вас будет кормить, одевать,
От холодных ночей укрывать?
По миру пойдете сиротами
Пыльными дорогами-путями.
А дороги те без конца лежат —
Без конца вам, детки, горе-горькое терпеть».

Тихо все, только струны звенят,
Только песня разливается.
Люди добрые молча стоят,
С горя сердце разрывается.
А как смертью Максима казнили,
Белы руки к воротам прибили,
К городским воротам дубовым,
Что напротив площади торговой,
А головушку на башне укрепили,
Чтоб дожди ее кудри мочили,
А ветра бы сушили,
Чтобы вороны очи клевали,
Да чтоб люди вовек не забывали.

1915

Лявони́ха

Ах, Лявони́ха, Лявони́ха моя!
Вспомяну тебя хорошим словом я, —
Черный пух твоих изогнутых бровей,
Очи яркие — найди их веселей!
Вспомяну твою походочку и стать,
Вспомяну, как ты умела целовать.
Ой, Лявони́ха, Лявони́ха моя!
Ты певала голосистей соловья.
В пляске первым отбивал твой каблучок
И «метелицу», и «юрку», и «бычок».
Рожь ли жала, не жалея своих сил,
Там Лявон твой восхищенья не таил!
Ой, Лявони́ха, Лявони́ха моя!

У бедовой полдеревни кумовья.
Знала ты, как пригласить и угостить,
И уважить, и в тоске развеселить.
Знала к месту слово доброе сказать,
А минутой — к сердцу накрепко прижать.
Ой, Лявони́ха, Лявони́ха моя!
Дай же бог тебе счастливого житья.
Дай на свете белом радостно прожить,
Всех вокруг, как веселила, — веселить.
Чтоб не раз тебя с отрадой вспомнил я.
Ой, Лявони́ха, Лявони́ха моя!

1916

* * *

Молодые года,
Молодые желанья!
Скуки нет и следа,
Лишь любовь, ожиданья...

Помнишь только красу:
Рот с усмешкой живою,
Золотую косу
Да глаза с синевою.

Темный сад-виноград,
Те ль под вишнями встречи,
И сияющий взгляд,
И горячие речи.

Будь ты, жизнь молода!
Полнись светлыми днями!
Пролетайте, года,
Золотыми огнями!

1916

* * *

Наших дедов душили чащобы лесов,
И, насытясь по горло звериным житьем,
Расчищать они стали те дебри огнем,
Их кругом поджигая с далеких концов.

И пылали по нашему краю леса,
Пока солнце сквозь чащи не стало светить;
И светлей и вольней люди начали жить,
На золе, где ни глянть, зацвела полоса.

С наших дедов суровых пример бы нам взять,
Не клониться в беде, не бояться огня,
Лишь тогда, земляки, и дождемся мы дня,
Если трудность борьбы нас не будет пугать.

